

Григорий (Борисоглебский), иером. Речь, произнесенная перед защитой магистерской диссертации: «Третье великое благовестническое путешествие св. апостола Павла (Изъяснение Деян. 18, 22–21, 16 и Гал. 2, 11–22): Опыт историко-экзегетического исследования. Сергиев Посад. VI + 519 стр.» // Богословский вестник 1892. Т. 3. № 10. С. 75–88 (3-я пагин.).

Р Ъ Ч Ъ,

произнесенная предъ защитой магистерской диссертации: „Третье великое благовѣстническое путешествие св. Апостола Павла. (Изъясненіе Дѣян. XVIII, 22 — XXI, 16 и Гал. II, 11 — 22). Опыт историко-экзегетическаго изслѣдованія. Сергіевъ Посадъ. VI+519 стрр.“

Старый добрый обычай и та, такъ хорошо извѣстная весьма многимъ изъ васъ, авторская любовь къ своему первому труду, обычно сопряженная со многими сомнѣніями и страхомъ, побуждаютъ меня въ эти минуты единственнаго во всей моей жизни дня обратиться къ вамъ съ этими немногими безъискусственными словами.

Въ нашъ вѣкъ специализации всякихъ знаній всѣ специалисты, занимаются ли они отдѣльной какой наукой, обслѣдуютъ ли особый какой вопросъ, пишутъ-ли чью-либо біографію — всегда страдаютъ однимъ общимъ недугомъ: узкой односторонностію. Всецѣло отдавшись предмету своей специальности, вырванному изъ обще-научной системы знаній, они обычно ставятъ свой предметъ выше всего, какъ будто онъ одишъ и существуетъ. Кромѣ него и дальше его — они ничего не видятъ. Еще Пифагоръ, занимавшійся своей любимѣйшей специальностью — математикой, съ философской убѣжденностью думалъ и говорилъ, что кромѣ его чиселъ да цифръ — нѣтъ ничего на свѣтѣ. Теперь, кажется, не пишутъ монографій и не печатаютъ статей, гдѣ бы авторы не утверждали, что предметъ книги или вопросъ статьи — самый важнѣйшій въ системѣ знаній предметъ, самый мировой вопросъ. Думая сказать о предметѣ своей монографіи почти тоже самое, я однако надѣюсь вполне избѣгнуть

обвиненія въ той односторонности, о которой я говорилъ. Великая личность св. Апостола Павла, описанію нѣсколькихъ лѣтъ жизни котораго посвящена моя диссертація, во всякомъ случаѣ есть личность единственная на пространствахъ всей христіанской исторіи. Какъ бы высоко ни поднималъ изслѣдователь точки своего зрѣнія, съ какой бы высоты ни смотрѣлъ онъ на христіанскую исторію, — онъ всегда увидитъ въ ней колоссальную фигуру великаго Апостола. Великъ св. Іоаннъ Златоустъ, проникающій своимъ дивнымъ краснорѣчивымъ словомъ до самыхъ глубокихъ тайниковъ души человѣческой. Но, кажется, Златоустъ никогда не былъ такъ краснорѣчивъ, какъ когда говорилъ о св. Павлѣ. Можно удивляться силѣ Лютера, ставшаго во главѣ цѣлаго вѣроисповѣданія и новаго направленія въ богословской наукѣ. Но побѣдоносный Лютеръ самымъ сильнымъ оружіемъ въ своихъ рукахъ считалъ цитаты изъ Павловыхъ Посланій. Мнѣ кажется, что такихъ сопоставленій нельзя и дѣлать. Сонмъ Апостоловъ, стоящихъ у самаго Источника христіанства, получившихъ отъ Самого Господа непосредственныя откровенія о христіанской вѣрѣ, потому самому — прежде всѣхъ и выше всѣхъ въ христіанской исторіи. — Но если я, оставляя въ сторонѣ послѣапостольскую эпоху, переносюсь своимъ взоромъ въ то блаженнѣйшее время, когда жили и дѣйствовали ученики Господа, когда благовѣстіе Христово впервые обтекало палестинскіе грады и веси, оглашало ареопагъ въ Аѳинахъ, звучало въ изнѣженномъ Коринѣ, гремѣло на стогнахъ шумнаго Ефеса, раздавалось въ воинственномъ Римѣ, когда я представляю себѣ весь многочисленный сонмъ этихъ благовѣстниковъ, когда я вижу и Петра, путешествующаго по Палестинѣ, и Іакова, пребывающаго въ Іерусалимѣ, и Іоанна, живущаго въ Ефесѣ, страдающаго въ Патмосѣ, и Аполлоса, идущаго изъ Александріи въ Ефесъ, отсюда въ Коринѣ и обратно, Тимоѳея и Луку, сопутствующихъ св. Павлу, и многихъ, многихъ другихъ, то меня прежде всего и больше всего поражаетъ св. Павелъ. Онъ — глава апостольскаго сонма. „Когда ты говоришь: Апостолъ, то всѣ тотчасъ, говоритъ Іоаннъ Златоустъ, разумѣютъ св. Павла, подобно какъ при имени Крестителя тотчасъ разумѣютъ

Иоанна¹⁾. Апостоль Павелъ есть по преимуществу Апостоль.—Посмотрите на первыя страницы апостольской эпохи. Сначала христіанство распространяется въ Палестинѣ. Тутъ мало трудовъ св. Павла. Но перейдите за предѣлы святой земли—и здѣсь каждый христіанскій городъ, каждая христіанская церковь назоветъ своимъ основателемъ - апостоломъ св. Павла. Отдавъ всю свою жизнь благовѣстію, Апостоль языковъ обтекъ съ своимъ благовѣствованіемъ и Азію и Европу: Птолемаида и Тирь, Сидонъ и Антіохія Сирійская, Киликія и Памфилія, Галатія и Фригія, Ефесъ и Троада, Македонія и Элада, Коринѳъ и Аѳины, Иллирія и Римъ—всѣ эти города и страны оглашены христіанствомъ апостоломъ - миссіонеромъ. Вездѣ онъ обходитъ самъ, въ иныхъ мѣстахъ живетъ по нѣсколько лѣтъ, въ другія—приходить не однажды, для иныхъ восполняетъ свое личное присутствіе своими посланіями. За всѣми основываемыми церквями зорко слѣдитъ, о всѣхъ болѣзнуетъ. Подобно, какъ большимъ свѣтиламъ небеснымъ сопутствуютъ спутники—малыя кометы и планеты, такъ и Апостолу Павлу сотекутъ въ благовѣстіи спутники и сотрудники. Возлѣ него сплочивается цѣлый сонмъ благовѣстниковъ, которые, подражая своему учителю, ревностно обтекаютъ грады и страны. Читая книгу Дѣяній и видишь, что, кажется, ни одного дня не было въ жизни Апостола, когда бы онъ не благовѣствовалъ или не текъ на благовѣствованіе. Св. Дѣеписатель, желая дать Теофилу повѣствованіе о дѣяніяхъ свв. Апостоловъ, вскорѣ послѣ начала начинаетъ писать только о подвигахъ и трудахъ одного Апостола Павла. Нужно удивляться, какъ доставало только времени и силъ этому святому мужу такъ много мѣсть обтекать съ своею проповѣдію.—Но это человѣческое благоговѣйное удивленіе возрастетъ еще болѣе, и Апостоль предстанетъ еще въ большей благолѣпной славѣ и величіи, когда присмотрѣться къ самому благовѣствованію Апостола, къ тѣмъ великимъ трудностямъ, которыя постоянно были на пути его. И пастырь слабѣетъ духомъ и болитъ сердцемъ, когда его труды—несутъ ему только скорби и слезы;

¹⁾ *Св. Иоаннъ Златоустъ*. Бесѣды на Дѣянія Апостольскія. Переводъ Сиб. Д. Академіи. 1857. Часть 2, стр. 428.

напротивъ онъ радуется, когда его слово приноситъ добрые плоды. Нужно имѣть Павлову благодатную душу, чтобъ умѣть идти съ христіанскою проповѣдію въ самые центры язычества и проповѣдать о Христѣ и вѣчной жизни тѣмъ, кто не хотѣлъ знать ничего, кромѣ земныхъ наслажденій. Бунтъ Димитрія Среброковача, насмѣшки аѳинскихъ эпикурейцевъ и стоиковъ были, конечно, не единственными возстаніями со стороны язычества противъ Апостола. — Лѣтопись благовѣстническихъ трудовъ Апостола есть собственно лѣтопись безостановочныхъ возстаній противъ него іудеевъ. Куда бы ни пришелъ Апостоль—вездѣ противъ него возгарается вражда іудеевъ. Приходитъ въ Ефесъ, проповѣдуетъ въ синагогѣ; но, замѣчаетъ Дѣеписатель, *какъ нѣкоторые ожесточились и не върили, злословя путь Господень предъ народомъ, то онъ оставилъ ихъ* ²⁾. Приходитъ въ Коринѣ—я говорю о третьемъ путешествіи, — проповѣдуетъ тамъ, но, замѣчаетъ опять Дѣеписатель, *по случаю возмущенія, сдѣланнаго противъ него іудеями* — спѣшитъ отбыть въ Сирію ³⁾. Отъ Трояды до Асса Апостоль почему-то самъ пошелъ пѣшкомъ, а спутникамъ приказалъ плыть моремъ ⁴⁾. И толкователи почти единогласно полагаютъ, что это сдѣлано въ виду какихъ либо злоумышленій іудейскихъ. Іудеи—враги Апостола не ограничиваются тѣмъ, что возстаютъ противъ него тамъ, гдѣ онъ проповѣдуетъ. Нѣтъ, ихъ вражда—вражда систематическая. Прошло уже нѣсколько лѣтъ съ того времени, какъ ефесскіе іудеи *ожесточились и не върили, злословя путь Господень предъ народомъ* ⁵⁾; въ Ефесѣ уже насаждено христіанство. Павелъ побывалъ и въ Коринѣѣ и въ Милитѣ и прибылъ уже въ Іерусалимъ. И чтоже? *Тогда асійскіе іудеи*, замѣчаетъ св. Лука, *увидѣвъ его въ храмъ, возмутили весь народъ и наложили на него руки* ⁶⁾. Такимъ образомъ, эта іудейская вражда, какъ какая-либо сѣть, была на всѣхъ благовѣстническихъ путяхъ св. Павла. — Но были сильнѣйшіе и опас-

2) Дѣян. XIX, 9.

3) — XX, 3.

4) — — 13

5) См. прям. 2.

6) Дѣян. XXI, 27

нѣйшіе враги у Апостола помимо іудеевъ. Они были болѣе опасны, ибо сами мнили себя христіанами и даже проповѣдниками вѣры Христовой; они были болѣе сильны, ибо были болѣе ожесточены на св. Павла и болѣе дѣятельно и искусно вели противъ него и противъ его благовѣствованія оппозицію. Они хотѣли разрушить всѣ церкви, основанныя Апостоломъ, а на мѣстѣ ихъ насадить мнимое христіанство съ обязательнымъ догматомъ объ исполненіи всего ветхозавѣтнаго закона. Я говорю объ іудействующихъ христіанахъ, или іудаистахъ. Я не стану подробно разсказывать, какъ возникло это направленіе въ первенствующей церкви, какъ оно усиливалось и какъ вело свою ложную пропаганду. Достаточно будетъ, если я иллюстрирую свою мысль нѣсколькими фактами изъ изученнаго мною путешествія Апостола. Когда я приступалъ къ изученію третьяго путешествія св. Павла, я думалъ, что мнѣ придется имѣть дѣло исключительно съ положительно-благовѣстническими трудами св. Апостола. Но на дѣлѣ оказалось совсѣмъ иное. Я увидѣлъ, что съ самаго перваго шага третьяго путешествія и до его конца Апостоль велъ борьбу съ преслѣдовавшими его еретиками - іудаистами. Потому-то и вышло такъ, что я въ видѣ комментарія къ четыремъ словамъ Дѣписателя: *приходилъ въ Іерусалимъ, привѣтствовалъ церковь* ⁷⁾ написалъ цѣлую главу, седьмую часть своего сочиненія: это посѣщеніе Іерусалима имѣло въ виду подѣйствовать на іудаистовъ чрезъ принятіе обѣта назорейства. Эти іудаисты, очевидно, группировавшіеся въ особую партію, имѣвшую своимъ главнымъ мѣстопробываніемъ Іерусалимъ, были полны сектантскаго сепаратизма; они, видимо, были твердо увѣрены въ правотѣ своихъ воззрѣній, въ необходимости Моисеева закона и въ христіанствѣ, и въ св. Павлѣ, пастойчивомъ и безстрашномъ проповѣдникѣ христіанской свободы, видѣли своего сильнаго противника. Сначала они ведутъ свою борьбу противъ него на почвѣ догмата и проповѣди. А далѣе вражда изъ-за догмата переходитъ во вражду личную. Параллельно съ описаніемъ третьяго путешествія Апостола Павла можно дѣлать описаніе путешествія и іудаистовъ. Идетъ Апостоль изъ Іеру-

7) Дѣян. XVIII, 22.

салима въ Антиохію; слѣдуютъ за нимъ туда же и іудеисты, и онъ поражаетъ ихъ въ своей обличительной рѣчи, направленной къ Ап. Петру. Идетъ Апостоль черезъ Галатію въ Ефесъ. Но вскорѣ получаетъ въ Ефесѣ извѣстіе, что іудеисты успѣли побывать въ Галатіи и увлечь своєю лже-проповѣдію нѣкоторыхъ изъ братій, и св. Павелъ спѣшитъ собственноручно написать Посланіе къ Галатамъ въ обличеніе іудеистовъ. Отправляется Апостоль изъ Ефеса въ Коринѣи и на пути, въ Македоніи, онъ пишетъ свое 2 посланіе Коринѣянамъ, въ которомъ грозно и властно обличаетъ проникшихъ и туда іудеистовъ, этихъ, какъ называетъ онъ ихъ, *служителей сатаны, лжеапостоловъ и лукавыхъ дѣлателей* ⁸⁾). Возвращаясь Апостоль въ Іерусалимъ — и оказалось, что онъ шелъ на несомнѣнные узы, которыя были наполовину выкованы злобою тѣхъ-же іудеистовъ. Вражда въ теоріи, изъ-за принциповъ — не такъ страшна, какъ ненависть къ лицу; тутъ обыкновенно долго думаютъ о средствахъ. По крайней мѣрѣ во 2 Посланіи къ Коринѣянамъ Апостолу приходилось считаться съ самыми страшными измышленіями хулы іудеистовъ. Сколько же страданій Апостолу причиняли эти враги! Какъ много трудностей они доставляли ему! Я думаю, что описаніе вражды іудеистовъ противъ Ап. Павла на основаніи его посланій можетъ составить изъ себя весьма благодарную тему для особой монографіи.—И вотъ среди всѣхъ этихъ трудностей и препятствій св. Павелъ однако неустанно благоговѣствовалъ, бывъ всѣмъ вся и всѣхъ любовію побѣждая. Въ этомъ величіе великаго Апостола изыковъ. — Я не буду много говорить о значеніи Ап. Павла, какъ священнаго писателя многочисленныхъ посланій. Эти писанія — глаголы Божіи. Вообразите только, что было бы, если бы не было Посланій св. Апостола Павла! Приведу дивную тираду изъ Златоуста о посланіяхъ св. Павла. „Чему можно уподобить слова его: морю или океану? Ничто не можетъ сравняться съ ними. Потоки ихъ гораздо обильнѣе, чище и глубже моря, такъ что не погрѣшилъ бы тотъ, кто назвалъ бы сердце Павлово и моремъ и небомъ, небомъ по чистотѣ, моремъ по глубинѣ. Это море, не изъ города

⁸⁾ 2 Кор. XI, 15. 14.

въ городъ переселяющее плывущихъ по нему, но отъ земли на небо. Кто плыветъ по этому морю, тотъ плыветъ при попутномъ вѣтрѣ. На немъ не вѣтры, но вмѣсто вѣтровъ Святый Духъ Божій сопровождаетъ плывущія души. Здѣсь нѣтъ волнъ, нѣтъ подводныхъ камней, нѣтъ звѣрей, здѣсь все тихо. Это—море, спокойнѣйшее и безопаснѣйшее всякой пристани, не имѣющее ничего горькаго, но заключающее въ себѣ источникъ чистый и источающій сладчайшіе потоки, прозрачнѣйшій и свѣтлѣйшій солнца; это—море, содержащее въ себѣ не драгоценныя камни и не пурпуръ, но сокровища гораздо лучше этого. Кто хочетъ погрузиться въ это море, тому не нужны ни орудія плаванія, ни елей, но любомудріе, и онъ найдетъ въ немъ всѣ блага царствія небеснаго; онъ можетъ сдѣлаться царемъ, приобрѣсть весь міръ и быть въ величайшей чести. Кто плыветъ по этому морю, тотъ никогда не подвергнется кораблекрушенію, но будетъ распознавать все“⁹⁾).

Если какой либо математикъ или филологъ дорогъ для своей науки только своими научными изысканіями, которыя ничуть не пострадаютъ оттого, что жизнь и личность ихъ авторовъ никому не извѣстны, то не такъ бываетъ съ великими дѣятелями христіанства. Здѣсь Апостоль, св. Отець, бл. Учитель Церкви, проповѣдникъ и под. имѣютъ значеніе не только какъ дѣятели, но и какъ личности. Если очень хороша научная система богослова, но плоха его жизнь, то едвали такой человѣкъ можетъ быть названъ богословомъ. Апостоль Павелъ можетъ быть предметомъ научнаго обслѣдованія съ двухъ сторонъ: можно изучать его христіанское міровозрѣніе и можно изучать его жизнь; можно комментировать его посланія и можно писать исторію его благовѣстническихъ трудовъ. Не берусь рѣшать вопроса: что полезнѣе имѣть для нашей богословской науки: первое или второе. На основаніи того небольшого знакомства съ литературой предмета и съ его содержаніемъ, какое приобрѣлъ я, скажу только, что жизнь Апостола Павла—это широчайшій, глубочайшій и благотворнѣйшій предметъ для научнаго изслѣдованія. Лѣтопись житія этого великаго Апостола, который въ молодости былъ от-

⁹⁾ *Св. Іоаннъ Златоустъ*. Цит. твор. и часть, стрр. 428. 429.

чалнымъ хулителемъ Христовой вѣры, который жестоко гналъ Церковь Божию и опустошалъ ее и преуспѣвалъ въ иудействѣ болѣе многихъ сверстниковъ въ родъ своемъ, будучи неумыреннымъ ревнителемъ отеческихъ преданій ¹⁰⁾, а впослѣдствіи исповѣдывалъ: для меня жизнь— Христосъ и смерть приобретение ¹¹⁾ и говорилъ: я благодушествоую въ немощахъ, въ обидахъ, въ нуждахъ, въ гоненіяхъ, въ притѣсненіяхъ за Христа ¹²⁾, который всѣмъ былъ вся, все переносилъ ради Господа Иисуса— жизнь этого святаго чловѣка— неизсякаемый источникъ назиданія. Замѣчательно, что почти во всѣхъ своихъ посланіяхъ Апостоль Павелъ дѣлаетъ ссылки на свой жизненный опытъ, выставляя его въ примѣръ. Вся рѣчь къ Ефесскимъ предстоятелямъ построена на томъ, что онъ призываетъ ихъ помнить его пастырскую дѣятельность и слѣдовать ей. Подобное же значеніе имѣютъ подробныя перечисленія Апостола многочисленныхъ, перенесенныхъ имъ страданій за благовѣстіе: я гораздо болѣе былъ въ трудахъ, безмѣрно въ ранахъ, болѣе въ темницахъ, и многократно при смерти. Отъ иудеевъ пять разъ дано мнѣ было по сорока ударовъ безъ одного. Три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпѣлъ кораблекрушеніе, ночь и день пробылъ во глубинѣ морской ¹³⁾. Слова Апостола: подражайте мнѣ, какъ я Христу, которыя онъ любилъ употреблять весьма часто ¹⁴⁾, должны быть понимаемы нами такъ: смотрите на мою жизнь и дѣятельность, которая есть воплощеніе Христова закона, и подражайте моей жизни. Во 2 посланіи къ Фессалоникійцамъ Апостоль говоритъ: вы сами знаете, какъ должны вы подражать намъ; мы себя самихъ дали вамъ въ образецъ для подражанія намъ ¹⁵⁾. Для православнаго богослова въ этихъ словахъ долженъ

¹⁰⁾ Гал. I, 13. 14.

¹¹⁾ Фил. I, 21.

¹²⁾ 2 Кор. XI, 31.

¹³⁾ 2 Кор. XI, 22—25.—Ср. также: 2 Кор. I, 8—10; 1 Кор. XV, 32; XI, 26—28.

¹⁴⁾ 1 Кор. IV, 16; XI, 1; Еф. V, 1; Фил. III, 17; 1 Фесс. I, 6; 2 Фесс. III, 9.

¹⁵⁾ 2 Фесс. III, 7. 9.

слышаться немолчный, всегдашній апостольскій призывъ къ тому, чтобъ дать христіанамъ полное начертаніе житія Апостола и тѣмъ облегчить на половину исполненіе его завѣта: *подражателю мнѣ бывайте, якоже и азъ Христу* ¹⁶⁾.

Предложенная на просвѣщенный судъ ученаго собранія моя монографія есть послѣдній откликъ на этотъ призывъ. Я не пишу всей жизни Апостола, но описываю нѣсколько лѣтъ изъ той самой важнѣйшей поры ея, какая была отдана Апостоломъ трудамъ благовѣствованія. Не могу не повѣдать вамъ о тѣхъ сильныхъ смущеніяхъ, которыя овладѣли мною, когда я взялся за перо для своей работы. Написать книгу о всей жизни Апостола Павла—проще: здѣсь можно говорить обо всемъ короче; картина въ общемъ шире—но тутъ работа кисти только надъ крупными фигурами; детали—не замѣтны; ихъ можно подразумѣвать. Мнѣ же предстояло говорить почти лишь объ Антиохіи да Ефесѣ. Гдѣ найти фактовъ, гдѣ отыскать красокъ для деталей? Въ западной литературѣ я нашелъ прекрасные труды по апостольской эпохѣ (разумѣю Neander'a ¹⁷⁾ и Hausratha ¹⁸⁾, встрѣтилъ нѣсколько опытовъ жизни Апостола Павла (Baur'a ¹⁹⁾, Krenkel'я ²⁰⁾, того-же Hausrath'a ²¹⁾, Renan'a ²²⁾, Фаррара ²³⁾). Но эти труды могли мнѣ дать только лишь одинъ блѣдный фонъ для моей работы. Тщетно я искалъ несуществующихъ опытовъ на мою тему; но—все напрасно. Я остался безпомощнымъ и одинокимъ. Я это говорю къ тому, чтобы ваша научная строгость сняла съ меня хотя малую часть отвѣтственности за тѣ недостатки, которыхъ бы могло не быть, еслибъ я писалъ о третьемъ путешествіи вторымъ или десятымъ.—Но еще въ

¹⁶⁾ 1 Кор. XI, 1.

¹⁷⁾ Neander. Geschichte der Pflanzung und Leitung der christlichen Kirche durch die Apostel. Hamburg. 1838.

¹⁸⁾ Hausrath. Neutestamentliche Zeitgeschichte. Heidelberg. 1872.

¹⁹⁾ Baur. Paulus, der Apostel Jesu Christi. Sein Leben und Wirken. Seine Briefe und seine Lehre. Stuttgart. 1845.

²⁰⁾ M. Krenkel. Paulus der Apostel der Heiden. Leipzig. 1869.

²¹⁾ Hausrath. Der Apostel Paulus. Heidelberg. 1872.

²²⁾ Renan. Paulus. Leipzig und Paris 1869.

²³⁾ Фарраръ. Жизнь и труды св. Апостола Павла. Переводъ съ XIX англійскаго изданія. СПб. 1887.

большее смущеніе повергла и повергаетъ меня мысль о моей нравственной неподготовленности къ своей работѣ. Мнѣ предстояло приблизиться своей душой къ душѣ святаго Павла; мнѣ предстояло заглянуть своимъ испытующимъ, наблюдающимъ взоромъ во внутрь его духовной жизни, послушать его мысли, чувства, воскресить его рѣчь, рассказать объ его апостольскихъ скорбяхъ, слезахъ и молитвахъ. Но мнѣ ли недостойному, нечистому приникать своимъ земнымъ окомъ въ эту небесную палату благодати! Слова святаго толкователя Апостола: „чтобы уразумѣть Павла, для этого нужна чистая жизнь“²⁴⁾—были и остались для меня источникомъ многихъ волненій. И дивное дѣло: чѣмъ болѣе предо мною раскрывалась внѣшняя картина дѣятельности Апостола, тѣмъ я чувствовалъ себя все болѣе и болѣе удаленнымъ отъ внутреннихъ тайниковъ души Павловой. Мое смущеніе не оставило, конечно, меня и доселѣ.

Теперь мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о своихъ авторскихъ пожеланіяхъ своей книгѣ. —Нѣтъ такого слова, нѣтъ ни рѣзца, ни кисти, которые бы могли передавать всю полноту и разнообразіе той духовной творческой жизни поэта, скульптора или художника, какою живутъ они за все время своего творчества, пока, наконецъ, лепѣнная ими художественная образная идея не выльется въ звучной пѣсни, не оживить холодный мраморъ, пока не перейдетъ на полотно. Переживается внутри обыкновенно больше, чѣмъ обнаруживается во-внѣ. Для художника свое произведеніе бываетъ слабымъ намекомъ на то богатство идей и образовъ, какіе были пережиты имъ во время творчества. Гомеръ и Рафаэль, Гёте и Рубенсъ, Шиллеръ и Вагнеръ— всѣ одинаково нуждаются въ комментаріяхъ. Такъ и для автора свое произведеніе бываетъ просто записками въ памятной книжкѣ, сухимъ конспектомъ къ той богатой духовной жизни, какою онъ жилъ, когда писалъ. По крайней мѣрѣ я, когда перечиталъ свою книгу, то увидѣлъ, что она далеко не передала того, что было пережито мною. Это, конечно, зависѣло отъ моего плохаго

²⁴⁾ *Св. Іоаннъ Златоустъ.* Цит. твор., стр. 429.

художественнаго таланта; но были такія чувства, бывали такія минуты, какихъ нельзя было перевести на языкъ понятій и словъ. Моя книга не смогла рассказать о томъ моемъ святомъ наслажденіи, когда я, воскресивъ на основаніи научныхъ справокъ обстановку, гдѣ шелъ и проповѣдывалъ Апостоль, воображеньемъ дополнялъ картину избраннаго момента и смотрѣлъ, какъ на живаго, проповѣдника Павла. И чудилось мнѣ, что я слышалъ его слова, что я видѣлъ восторженные лица его слушателей, что я внималъ небесной музыкѣ этой дивной бесѣды. Троада. Это городокъ въ сѣверной части западнаго берега Малой Азіи. Глубокая полночь. Давно ужъ полуримскій городъ спитъ. Кажется, вмѣстѣ съ жителями заснули и задумчивые кипарисы, благоухашные мирты и лавры. Но въ блѣдномъ христіанскомъ кварталѣ вонъ домъ, гдѣ узкія, безъ стеколъ и завѣсъ, окна горять яркимъ свѣтомъ. Войдите на верхній этажъ. Предъ вами горница со многими свѣтильниками. Вы различаете множество лицъ; размѣстились кто гдѣ могъ. Юноша Евтихъ присѣлъ на окнѣ. Нѣмое вниманіе на всѣхъ лицахъ. И слышится только рѣчь старца-проповѣдника: то св. Павелъ ведетъ полночную бесѣду съ троадскими христіанами. Гдѣ мнѣ мнѣ взять словъ, гдѣ отыскать красокъ, чтобъ рассказать вамъ о дивномъ величіи этой простой троадской бесѣды?! Нѣтъ; моя книга не расскажетъ о ней. Такъ пусть, по крайней мѣрѣ, она повѣдаетъ о томъ: сколько тягчайшихъ трудовъ и заботъ, сколько скорбей и страданій, сколько слезъ и печалей было у великаго Апостола Павла, прошедшаго въ годы своего третьяго путешествія отъ Іерусалима до Ефеса и отъ Ефеса до Иллирій. Пусть мое слабое изображеніе хотя самими блѣдными красками опишетъ ту пучину христіанской любви и самоотверженія, какими горѣло сердце Апостола языковъ, и изобразить хотя малую долю той любви его къ своему великому апостольски-пастырскому призванію, которая вѣщала: *я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнію, только бы съ радостію совершить поприще мое и служеніе, которое я принялъ отъ Господа Іисуса, проповѣдать Евангеліе благодати Божіей*²⁵⁾. Пусть

²⁵⁾ Дѣян. XXI, 24.

мое немощное слово съумѣетъ хотя одной христіанской душѣ, хотя одному пастырскому сердцу напомнить ту, такъ любимую Апостоломъ, заповѣдь: *подражатели мнѣ бывайте, якоже азъ Христу* ²⁶⁾ и — возбудить желаніе и вдохновить на подвигъ исполненія ея. — Что касается моихъ научныхъ пожеланій, то они не идутъ далѣе того, чтобы въ своей книгѣ дать матеріалъ и пособіе для того будущаго труженика, который возьметъ на себя высокую и благодарную задачу: написать жизнь Апостола Павла. Я хотѣлъ дать ему въ руки добросовѣстно исполненное научное обследованіе жизни Апостола Павла за тѣ годы, которые были посвящены имъ третьему путешествію. Заранѣе скажу, впрочемъ, этому будущему труженику, что онъ встрѣтится въ моей книгѣ съ однимъ крупнымъ недостаткомъ. При теперешнемъ состояніи исторической науки, когда усердными трудами неутомимыхъ западныхъ ученыхъ произведено много раскопокъ на мѣстѣ Ефеса, когда найдено много мраморовъ съ письменными памятниками перваго вѣка, можно было бы мои двѣ главы объ Ефесѣ ²⁷⁾ написать съ бѣльшей полнотою. Но къ моему глубокому сожалѣнію мнѣ не могли быть доступными ни Британскій королевскій музей, гдѣ хранятся коллекціи Вуда, ни другіе заграничные музеи, гдѣ можно найти много мраморовъ изъ Ефеса. Я не былъ на мѣстѣ Ефеса; я не ходилъ по деревнѣ Айя-Солукъ, которая приютилась вблизи того мѣста, гдѣ была раскинута столица Іоніи. Я не видалъ тамошняго іонійскаго неба, тамошнихъ морскихъ волнъ, тамошнихъ горъ и развалинъ, тамошнихъ рѣкъ и заброшенныхъ римскихъ дорогъ, которыя мнѣ много бы подсказали къ краткому разсказу книги Дѣяній...

Въ предисловіи къ своей книгѣ я дѣлаю подробное перечисленіе всѣхъ авторовъ и издателей, учеными трудами которыхъ я пользовался для своей работы. Но это перечисленіе теряло бы все свое значеніе, еслибъ я на этихъ строкахъ не назвалъ бы еще двухъ именъ. Это-бъ было

²⁶⁾ См. прим. 14.

²⁷⁾ Разумѣются V и VI главы.

похоже на то, какъ еслибъ я, описывая величественный храмъ Діаны ефесской, вздумалъ бы подробно, по именамъ, перечислять всѣхъ рабочихъ, трудившихся надъ этимъ мраморнымъ колоссомъ, но.....забылъ бы назвать архитектора Хейрократа, по мысли и плану котораго строилось это архитектурное, всемірное — одно изъ семи — чудо. Первое имя—изъ тѣхъ раннихъ юношескихъ впечатлѣній, которыя полагаются на чистую, пустую юношескую душу и обычно составляютъ собою тотъ фундаментъ, на которомъ строится поздиѣе цѣлое зданіе. По большей части зданіе приходится какъ разъ по фундаменту. Тою любовью къ занятіямъ Священнымъ Писаніемъ, съ которою я уже прибылъ въ это самое время пять лѣтъ тому назадъ подъ кровъ сего святилища науки, я всецѣло обязанъ моему незабвенному паставнику по семинаріи. Я говорю о талантливомъ и трудолюбивомъ, извѣстномъ въ Нововавѣтной наукѣ нѣсколькими своими учеными трудами, Николаѣ Ивановичѣ Троицкомъ. Его горячая любовь къ своей наукѣ, благодаря его мастерскому преподаванію, передалась и мнѣ въ тѣ ранніе, такъ воспримчивые годы,—и я съ перваго курса замечталъ о Новомъ Завѣтѣ. Второе имя—имя профессора Новаго Завѣта здѣшней Академіи и моего единственнаго руководителя и наставителя при выполненіи моей работы. Это имя было для меня магнитомъ, который еще юнаго влекъ именно въ эту Академію. Помню, что когда мои товарищи по семинаріи хвалились бывало знаніемъ наизусть кто—Демона Лермонтова, кто Онѣгина Пушкипа, я—хвалился тѣмъ, что зналъ наизусть всѣ вновь выходившія тогда статьи этого профессора. Не буду говорить о томъ, какой широкій горизонтъ въ области Новозавѣтной науки, какіе научные пути въ ней открылись мнѣ при слушаніи лекцій по этой каѣсдрѣ. Скажу, что моя работа писана при самомъ ближайшемъ и дѣятельномъ руководствѣ высокоуважаемаго Митрофана Дмитриевича Муретова. Самая тема и основной планъ труда всецѣло принадлежать моему учителю. Первоначальное ознакомленіе съ литературой предмета начато по сего указаніямъ и выбору. Все мое сочиненіе, наконецъ, было ранѣе, чѣмъ появиться ему въ печати, прочитано и исправлено научно-заботливой и спи-

сходительной рукой Митрофана Дмитриевича. Дорогое имя этого ученаго въ моей всегда благодарной памяти было и будетъ для меня однимъ изъ самыхъ за вѣтныхъ воспоминаній о славной Московской Академіи.

Иеромонахъ Григорій.
